Приходи в мою падь. Мы с тобою забыли, Как особенно нежно в безлюдии нам. Я умою тебя не водой, а кобыльим Молоком, чтоб стекало оно по губам.

И я буду лизать с твоих губ, как младенец, Принимая молчание их - за ответ. Повенчают нас звезды обеих медведиц, Завершая оргазмы парадом планет.

А священное озеро вплавится в недра Наших душ, вымывая притихшее зло. И нависнут над нами могучие кедры, Как огромное, черное чье-то крыло,

Что укроет от самого страшного сглаза, Посвятив нас, уставших, в таежные сны.

Приходи в эту ночь - ты почувствуешь сразу, Как давно мы и жадно друг другу нужны.

Потому, не тяни! мы так долго блуждали - Время сбора разбросанных нами камней. Пусть уходят чужие, которые ждали Недостаточно сильно. Иди же ко мне.

Зажмуривай глаза и прыгай в рожь - В ту самую, над пропастью пропащих. Там, тихие, уняв земную дрожь, Могилы заждались безвинно спящих

Потерянных героев; Там война, Что предана забвению не нами. Зажмуривай глаза - тебе видна Ржавеющая рожь над небесами,

Которые костром озарены Из срезанных голов - точно, колосьев... Приснилось бы, что не было войны. И не было беды. Но не спалось нам.

В городе лето. В городе где-то Замерли, вымерли все или вся. День раскален; он расплавлен, раздет он, Жар раздавая и свет привнося.

Рогом поводит троллейбус ленивый. Снилось: он — парусник, мчащий к тебе. Город — не город, а город — огниво, Для извлечения пекла из тел.

И понимаю. Я все понимаю, Воздух печеный, пьянея, ловлю: Это — мой город. Да кто я такая Вне этой пыли, вне гнуса, вне лю-

дей, торопящихся спрятаться в камни; Лета, летящего в Лету; и вне Всей нелюбви этой? Да и куда мне — Новорожденной и любящей мне.

Слепящее утро. Август - хитер, как лис: Свернулся клубком и лижет ладони лета. И город, влюбленный в хипстеров и актрис, Возлюбленный город рокеров и поэтов,

Играет в фонтане, пьет ароматный чай; Вдыхает дурманный дым электронной трубки. Звенящее утро. Август - тебе не май, Что сгинул в пучине той изумрудной юбки.

Он мягко крадется, чтобы лакать тепло. Он тихо скулит в окно, принимая данность. Звенящее небо. Раненое крыло. И свежестью дышит вся мировая жадность.

И площади ждут явления всех плащей. А тело спешит сгореть, предвкушая холод. Останься со мной - я бросила быть ничьей И знающей, что меня покидает город.

Крысы окрысились, свылись лисицы; Спелись заезженной песнею рты. Но если вместе нам все еще спится, Разве не ты мне нужнее всех? Пусть разрослись мировые болезни; Выросли дети Содомьей чумы. В миг, когда в пекло друг друга полезли, Кровью и душами сплавились мы.

Значит, не выспаться нам друг без друга. Значит, не вымолить вечный покой. И потому быть твоею подругой Мне не бывать - в этой жизни и той.

Расплети мои косы, займемся зачатием зла — Я блудницею в этих краях прослыла еще той. И с плеча моего так маняще рубашка сползла, Чтоб тебе, даже вечный, и то – только снился – покой.

Разукрась мое тело укусами, мне не впервой. Но куда нам до тех, что замучены пытками там, Где кровавые лица так жадно целуют войной, Потому что у них ни души не осталось, ни рта.

Прикасайся ко мне, как к последней. Ты мне – позарез. Мы, устав выживать, улеглись на перину траншей. Наши звезды – как бельма у некогда зрячих небес, А с земли это кажется в тысячу страхов страшней.

И по-песьи мы лижем друг друга, вину теребя — Ту, что взяли за тех, кто не верит в любовь или рай. Обними меня так, чтобы я умерла за тебя. Поцелуй меня так, чтобы было легко умирать.